

УДК 930.23

С. В. Дюков

ВСТРЕЧА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ ФЁДОРОВНЫ С АРЕСТОВАННЫМ ЭСЕРОМ-ТЕРРОРИСТОМ И. П. КАЛЯЕВЫМ: ОПРОВЕРЖЕНИЕ КЛЕВЕТЫ

Аннотация: Статья посвящена одному из драматичных и знаковых событий начала XX в. – убийству в результате террористического акта великого князя Сергея Александровича (Романова) и последующему визиту его жены, великой княгини Елизаветы Фёдоровны, к заключённому революционеру-террористу Каляеву. В статье рассматриваются диаметрально противоположные точки зрения различных авторов на цель и характер данной встречи. Основываясь на исследовании обнаруженного интервью с великой княгиней Елизаветой Фёдоровной, анализе научной и публицистической литературы, мемуарных источников, автор доказывает ошибочность представлений некоторых исследователей о встрече Елизаветы Фёдоровны с Каляевым как о реализации её злого умысла и её участия в некоей полицейской провокации против революционера-террориста Каляева и революционного движения вообще. Автор приходит к выводу, что мотивация данного визита была исключительно личной и религиозной.

Ключевые слова: эсеры, терроризм, великая княгиня Елизавета Фёдоровна, великий князь Сергей Александрович, И. П. Каляев, провокация, клевета, опровержение.

Сведения об авторе: Дюков Сергей Викторович, PhD (in Pedagogy), независимый исследователь (Россия, Краснодар). E-mail: dser70@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3787-886X>.

Цитирование: Дюков С. В. Встреча великой княгини Елизаветы Фёдоровны с арестованным эсером-террористом И. П. Каляевым: опровержение клеветы // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2026. Вып. 1 (38). С. 127–140.

Поступила в редакцию: 26.08 2025. Принята к публикации: 01.03.2026.

Введение. Начало XX в. охарактеризовалось в России чрезвычайным ростом политической напряжённости и революционных проявлений вплоть до самой крайней формы экстремизма – террористической деятельности. Наиболее активную роль в революционном терроризме сыграла Боевая организация партии социалистов-революционеров (эсеров). Как подчёркивает А. В. Маньков, «терроризм в России активизировался накануне и, особенно, в ходе революции 1905–1907 гг.»¹. Он же отмечает, что эсеры

¹Маньков А. В. К вопросу об истории терроризма: истоки, становление и эволюция в России // Вестник Чувашского университета. 2017. № 1. С. 96.

первыми применили и развили в процессе своей революционной борьбы тактический принцип, «выделив из своего состава группу, единственной обязанностью которой являлась организация политических убийств»². Объектами террористических атак и их жертвами становились крупные политические деятели и высокопоставленные чиновники.

4 февраля 1905 г. членом Боевой организации партии социалистов-революционеров (эсеров) польского происхождения И. П. Каляевым путём взрыва бомбы был совершён террористический акт, в результате которого погиб великий князь Сергей Александрович (Романов), а также был смертельно ранен кучер великого князя, Андрей Алексеевич Рудинкин³. 7 февраля великая княгиня Елизавета Фёдоровна навестила террориста, находившегося в заключении, и передала ему своё прощение, а также икону. Их беседа состоялась при закрытых дверях без свидетелей. Впоследствии Каляев проявил бурное негодование по поводу некоторых статей, появившихся в прессе относительно их встречи. В этих публикациях была выражена мысль, что преступник раскаялся, приняв из рук великой княгини икону. Каляев же для себя решил, что виновницей появления этих публикаций в прессе явилась Елизавета Фёдоровна, разгласившая и исказившая содержание их диалога. Версия Каляева была воспринята в ранний советский период с воодушевлением ещё и благодаря тому, что его личность и его теракт высоко оценил лидер партии большевиков В. И. Ленин. Русский советский литературовед Ю. Соболев в своём произведении представляет террориста как благородного борца, который «свою жизнь отдал великому делу свободы трудящихся»⁴. Эсер Каляев был в числе тех редких представителей немарксистской партии, в честь которых большевики стали называть улицы в населённых пунктах по всей стране (во многих городах России улицы имени Каляева существуют и поныне). Героизация была продолжена и в постсоветское время. Так, К. В. Гусев в своей монографии назвал его одним из «рыцарей террора»⁵. Ю. В. Розанов и П. В. Тихомиров отмечают, что не только сам теракт стал одним

² Маньков А. В. Терроризм в России: исторические аспекты (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник Чувашского университета. 2018. № 4. С. 93.

³ Коновалова Е. Мученическая кончина Его Императорского Высочества Великого Князя Сергия Александровича. М. : Е. И. Коновалова, 1905. С. 3–5.

⁴ Соболев Ю. В. Иван Каляев. Как и за что был убит великий князь Сергей Александрович Романов. М. : Красная новь, 1924. С. 45.

⁵ Гусев К. В. Рыцари террора. М. : Луч, 1992. 143 с.

из самых знаковых политических убийств, но и встреча Елизаветы Фёдоровны с революционером-террористом способствовала созданию из Каляева «культовой фигуры эпохи»⁶. Однако существует немного исследований, посвящённых этой встрече. Известны работы Р. С. Закирова, но в них утверждается точка зрения самого Каляева на обстоятельства и цели визита к нему Елизаветы Фёдоровны. Как следует из данных работ, не только в советское время, но и в постсоветское, некоторыми исследователями поддерживалась и поддерживается версия Каляева о визите к нему великой княгини как о спланированной полицейской акции по дискредитации революционного движения, в детали которой она была посвящена и активно в ней участвовала. До сих пор было принято считать, что Каляев был единственным из двух участников встречи, кто оставил о ней свои воспоминания.

Цель работы состоит в представлении альтернативного вывода о бескорыстном и исключительно милосердном характере данной встречи со стороны великой княгини Елизаветы Фёдоровны. Вывод основывается на впервые вводимом в научный оборот источнике – обнаруженном интервью с великой княгиней, данном ею сотруднику газеты партии эсеров «Труд».

Исследование опирается на **принципы** объективности и историзма. В ходе исследования были использованы **методы** анализа, синтеза, обобщения, а также метод критического анализа, в том числе по отношению к ранее не встречавшемуся в советской и постсоветской историографии источнику – интервью с великой княгиней Елизаветой Фёдоровной.

Основная часть. События, связанные с террористическим актом, совершённым против великого князя Сергея Александровича (Романова), и последующей встречей великой княгини Елизаветы Фёдоровны с убийцей её мужа, требуют внимательного изучения и учёта различных точек зрения.

Ю. Соболев так описывал встречу Елизаветы Фёдоровны с заключённым: «Каляеву также казалось, что княгиня раскаивается за преступления её мужа, а тем, что отдаёт иконку революционеру, как бы успокаивает свою совесть. Разумеется, всё это только казалось взволнованному необычным свиданием Каляеву. Совсем другие цели преследовала жена князя Сергея Александровича. Ей нужно было, чтобы Каляев принял её иконку, – это дало возможность ей распространить клевету насчёт Ивана Платоновича,

⁶ Розанов Ю. В., Тихомиров П. В. Образ революционера-террориста в России начала XX века (на примере Ивана Каляева) // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 3. С. 942.

который, будто бы, раскаялся в убийстве и так расчувствовался, что не только принял, но и поцеловал икону. Такая клевета с помощью услужливых газет была широко распространена по всей России, и Каляеву пришлось горько раскаяться в том, что он, поддавшись вполне естественной человеческой жалости, вступил в разговор с Елизаветой»⁷.

Известно, что Каляев затем избавился от иконы, подаренной ему Елизаветой Фёдоровной. В письме к великой княгине Каляев позже с раздражением писал, что был снисходителен к её «религиозному суевию»: «я не отказался принять от вас иконку (но не целовал её, как изображено в газетах... бррр...)»⁸.

Некоторые исследователи, явно симпатизирующие революционерам и принявшие особую точку зрения на революционный терроризм, вслед за Каляевым и советскими публицистами утверждают, что данный визит не был актом христианского милосердия, а был тщательно подготовлен и осуществлён с целью дискредитации революционного движения. Одним из аргументов, который они приводят, является якобы отказ великой княгини от повторной встречи с Каляевым по его просьбе. Данное действие, по их мнению, негативно характеризует Елизавету Фёдоровну, говорит о её жёстком и расчётливом характере, а также её участии в этой полицейской провокации. За истину принимают слова преступника, как единственного из двух собеседников, кто оставил об этом событии свои воспоминания. В них Каляев выражал убеждение, что именно Елизавета Фёдоровна передала кому-то содержание их разговора, что и послужило основой для некоторых заметок в прессе.

Например, Р. С. Закиров, с сочувствием относясь к версии террориста, пишет, что «визит был организован с целью дегероизации революционеров и является провокацией, в которой великая княгиня приняла активное и сознательное участие»⁹, а её фразу, сказанную террористу: «я не могу вести с вами политических разговоров», он почему-то трактует как один из советов, полученных от директора Департамента полиции А. А. Лопухина. Но стоит внимательно прочитать заявление великой княгини о неразглашении содержания их разговора с Каляевым, приведённое ниже

⁷Соболев Ю.В. Иван Каляев. Как и за что был убит великий князь... С. 31.

⁸Дело Ив. Каляева. С портретом Ив. Каляева и с приложениями. СПб. : Изд. П. Д. Шенской, 1906. С. 47.

⁹Закиров Р. С. Визит Великой княгини Елизаветы Федоровны в тюрьму к И. П. Каляеву как провокация Департамента полиции // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. История и политология. 2012. № 4. С. 20–21.

в настоящей статье. И тогда приходится признать, что, оказывается, словосочетание «я не могу» употреблялось великой княгиней неоднократно, но в значении – «я не хочу». Даже скорее, «я не собираюсь – в соответствии с личными христианскими убеждениями», а не вследствие чьего-либо указания (её фраза «...восстановить содержание разговора нашего с Каляевым я не могу. Для меня это представлялось бы чем-то вроде нарушения тайны исповеди» весьма убедительно демонстрирует данный вывод). В самом деле, во время их встречи Елизавета Фёдоровна вряд ли собиралась вести политический разговор, выслушивая пропагандистские лозунги партии социалистов-революционеров. Она пришла к заключённому Каляеву прежде всего, чтобы говорить о Боге и покаянии, а не о политике. Политические течения тех лет ей и так были хорошо известны. Её слова и поступки объясняются внутренними религиозными убеждениями. Вот как описывал Каляев некоторые детали той встречи одному из своих адвокатов: «А она, точно тень, надвинулась на меня, взяла меня за обе руки, хотела, видимо, сесть на стул, но стул стоял далеко, и она опустила на колени... Она стояла на коленях и держала меня за обе руки. Так и продолжалась вся наша беседа»¹⁰. В другой работе Р. С. Закиров приходит к следующему выводу: «...сам факт участия директора Департамента полиции в организации какого-либо мероприятия заведомо пахнет провокацией. А если истинным организатором встречи был Департамент полиции, тогда становится ясно, что, скорее всего, искажённая огласка события в прессе не была случайной, а кампания по канонизации великой княгини и дискредитации Каляева была продумана и спланирована»¹¹. Но трудно согласиться с данным выводом, так как почти невозможно допустить, что директору Департамента полиции А. А. Лопухину, который уже скорее всего предвидел, что будет отстранён от занимаемой должности, необходима была в этот момент какая-либо антиреволюционная провокация. Ведь он уже получил прямое обвинение от санкт-петербургского генерал-губернатора Д. Ф. Трепова в связи с гибелью великого князя¹². Действительно, менее чем через месяц Лопухин будет уволен. Однако вызывает ещё большее недоумение не только желание усмотреть некую полицейскую провокацию, но и настойчивое

¹⁰ Беренштам В. В. В боях политических защит. Л., М. : Книга, 1925. С. 90.

¹¹ Закиров Р. С. Об одной провокации Департамента полиции (из материалов следствия над членом Боевой Организации партии социалистов-революционеров И. П. Каляевым в 1905 г.) // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 161.

¹² Спиридович А. И. Записки жандарма. Харьков : Пролетарий, 1926. С. 182.

желание заподозрить Елизавету Фёдоровну даже в участии в кампании по собственной канонизации, которая настанет почти через 90 лет после её встречи с Каляевым. Канонизация в православии, как известно, происходит только спустя годы после смерти.

А. М. Лавренова указывает на стремление Закирова переместить Каляева «в агнцы» из разряда убийц: «...по мнению Закирова, чёрствая и расчётливая великая княгиня намеренно посетила Каляева, дабы не допустить героизации террориста и, вручив ему образок, склонить к подаче прошения о помиловании, утвердив тем самым „торжество православия“ в общем и создав себе привлекательную репутацию мученицы в частности. Проблема заключается в том, что эта любопытная, но весьма натянутая версия трагических событий февраля 1905 г., в сущности, повторяет выводы самого Каляева»¹³. Непосредственную включённость директора Департамента полиции в процесс подготовки и проведения встречи великой княгини с Каляевым как признак готовившейся провокации А. М. Лавренова считает нелепым умозаключением, так как организация посещения представителем императорской фамилии столь крупного политического преступника без обращения к высокопоставленному полицейскому начальству действительно выглядит абсурдом. Спустя много лет, в 1981 году, на жизнь папы римского Иоанна Павла II покушался Мехмет Али Агджа. Иоанн Павел II совершил чем-то похожий поступок христианского милосердия – навестил в тюрьме покушавшегося на его жизнь турецкого террориста. Вряд ли можно предположить, что их встреча произошла без участия полиции самого высокого ранга.

Каляев, бесспорно, воспринимался властями как неординарный преступник. Например, по проведённому исследованию самих эсеров и воспоминаниям работников Бутырской тюрьмы, куда он был доставлен 15 февраля 1905 г., известно, что во время пребывания Каляева в заключении контакты с ним, как с необычным преступником, совершались лишь через представителей высшего начальства. Простым тюремным служащим общаться с ним было категорически запрещено, разрешалось только передавать пищу, одежду, конверты, письменные принадлежности. Каляев содержался в корпусе для крайне опасных преступников. Он был помещён на самый верхний этаж северной башни Бутырской тюрьмы, а соседние камеры с 13-й камерой,

¹³ Лавренова А. М. Гордость и предубеждение и «охранка»: политический сыск в современной российской историографии // История и архивы. РГГУ. 2019. № 1. С. 35.

в которой он находился, были освобождены и оставлены пустыми. Окно его камеры находилось прямо напротив поста охраны. Вероятно, от сомнения в благонадежности тюремной охраны наблюдение за камерой осуществлял также командированный жандарм¹⁴. Это говорит об исключительно серьёзном и особом отношении к данному террористу. В своей статье А. М. Лавренова также сомневается в готовности великой княгини вести какие-то интриги и участвовать в так называемых «провокациях» при том психоэмоциональном состоянии, в котором она находилась. Действительно, трудно заподозрить человека в холодном и расчётливом поведении, потерявшего мужа в террористическом акте. О тяжести психологического состояния великой княгини можно только догадываться. После прогремевшего взрыва она собственными руками собирала останки тела Сергея Александровича. Оно было очень сильно разорвано взрывом бомбы, брошенной в карету¹⁵. Почти сразу была отслужена первая церковная служба по нему. По воспоминаниям княжны Марии Павловны, племянницы Сергея Александровича, Елизавета Фёдоровна «в те дни жила, отстранившись от всего земного... казалась безразличной ко всему происходившему вокруг. Некоторые её поступки были столь необъяснимы, если подходить к ним с обычной меркой, что многие, особенно те, кто плохо её знал, сочли её душевнобольной... Она ездила в тюрьму увидеться с убийцей! Это привело тюремное начальство в крайнее изумление, никогда прежде не случалось ничего подобного. Никто в точности не знает, что в тот день произошло между тётёй и убийцей её мужа. Она настояла на разговоре с заключённым наедине. Я-то понимала, что она руководствовалась исключительно христианскими чувствами, но по городу ходили самые разные слухи. Отголоски этих разговоров дошли до узника. Уязвлённый приписываемыми ему словами, он написал тётё оскорбительное письмо»¹⁶. По свидетельству близких, Елизавета Фёдоровна в эти дни почти непрерывно молилась днём и ночью. В «Московских ведомостях» в первые дни после теракта помещались сведения о многочисленных литургиях, а также панихидах по убиенному Сергею Александровичу в различных местах Москвы с её присутствием. В этих заметках упоминается, что великая княгиня во время литургий и панихид стояла на коленях. В день визита Елизаветы Фёдоровны к Каляеву скончался кучер великого князя Андрей

¹⁴Труд. 1918. № 250. 6 (19) февраля.

¹⁵Государственный архив Российской Федерации. Ф. 124. Оп. 67. Д. 591а. Л. 4 об.

¹⁶Мария Павловна (великая княгиня). Воспоминания. М. : Захаров, 2004. С. 66.

Рудинкин, 43-летний отец шестерых детей. Раны, полученные им во время взрыва бомбы, оказались слишком тяжёлыми. На следующий день после теракта великая княгиня смогла навестить Андрея Алексеевича в больнице. Когда он умер, Елизавета Фёдоровна нашла душевные и физические силы, чтобы поддержать его беременную вдову Прасковью Григорьевну и участвовать в его похоронах. Она шла за гробом убитого кучера около 4-х вёрст пешком от Яузской больницы до Павелецкого вокзала. Похоронили Андрея Рудинкина, по желанию родственников, в селе Ивановском Ступинского уезда Московской губернии, на его родине. Позже с помощью Елизаветы Фёдоровны на могиле А. А. Рудинкина будет установлен крест на гранитном постаменте. После похорон скончавшегося от ран кучера Елизавете Фёдоровне предстояли ещё отпевание и похороны своего мужа. Как отмечали близкие к ней люди, великая княгиня была в эти дни словно в прострации. Трудно представить, что она могла расчётливо вести какую-то интригу и игру вообще, а в это время – тем более.

В возможность участия Елизаветы Фёдоровны в полицейской провокации не верил и другой адвокат Каляева – М. Л. Мандельштам. Несмотря на некоторый пренебрежительный тон своих высказываний о великой княгине, о христианстве в целом, он не сомневался, что её визит к Каляеву был продиктован исключительно религиозными чувствами. Мандельштам пришёл к выводу, что у полиции для провокации «есть другие лица и другие возможности». Также он был убеждён, что великая княгиня хотя и «верит в утопию», но является едва ли не лучшим представителем православия, назвав её моральный облик «дистиллированной водой христианства»¹⁷. Адвокат Мандельштам считал не более чем «навязчивой идеей» мысли и высказывания относительно участия Елизаветы Фёдоровны в полицейской игре, направленной против революционного движения в целом и Каляева персонально: «...я старался сделать всё от меня зависящее, чтобы доказать Каляеву всю необоснованность его подозрений»¹⁸.

В историографии до сих пор считалось, что Елизавета Фёдоровна никаких воспоминаний о той встрече не оставила. Она действительно перестала вести дневники после гибели мужа и полностью посвятила себя делам благотворительности. Однако автору этой статьи удалось обнаружить

¹⁷ Мандельштам М. Л. 1905 г. в политических процессах: записки защитника. М. : Изд-во Все-союзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. С. 242.

¹⁸ Там же. С. 245.

интервью, данное великой княгиней в феврале 1918 г. корреспонденту газеты «Труд» – печатного органа партии, к которой принадлежал Каляев. Даже спустя 13 лет после событий февраля 1905 г. Елизавета Фёдоровна не стала раскрывать содержание их беседы во время встречи.

Ввиду исторической значимости и важности заявления великой княгини (что подчёркнуто в самой газете), а также в целях дальнейшего предотвращения спекуляций с позиций политических симпатий и предпочтений, представляется актуальным привести слова Елизаветы Фёдоровны из интервью полностью, с сохранением оригинальной редакционной орфографии и пунктуации. Вводная часть газетной публикации опущена, так как позиция Каляева обозначена нами выше. Интерес представляет прежде всего ответ великой княгини на выдвинутое против неё странное и нелепое обвинение Каляева.

«Опровергнутая клевета»

«...Наш сотрудник беседовал с Елизаветой Федоровной по поводу свидания и вот, что она ему сообщила: „Поехать к человеку, убившему моего мужа, меня побуждали две мысли. С одной стороны, зная, как в. князь старался внушить великохристианское чувство прощения своим врагам, я пожелала доказать на деле, что его слова не были напрасны и что христианское чувство должно восторжествовать над личным горем, а с другой стороны, желанье возбудить в Каляеве чувство раскаянья и стремление к примирению с Богом. В последствии я узнала, что он, Каляев, писал мне, но никто этого письма мне не передал, и я никогда его не видала. Я никогда не раскаивалась в своем поступке. Мы встретились с Каляевым, как люди, пережившие слишком много, слишком много выстрадавшие и потому свидание не могло оказаться безрезультатным. Точно восстановить содержание разговора нашего с Каляевым я не могу. Для меня это представлялось бы чем-то вроде нарушения тайны исповеди. Я могу сказать только одно, что христианское чувство любви и прощения даже и врагу не остается без ответа. Единственно допустимое в этом случае предположение, что письмо было перехвачено прежде, чем дошло до меня. Точно так же я должна еще раз опровергнуть и подлинность разговора между мной и Каляевым напечатанного в “Свете”. Своего разговора с ним я не передавала никому и никогда не расскажу его“...»¹⁹.

Елизавета Фёдоровна упоминает популярную ежедневную газету правого направления «Свет», выходившую с 1882 по 1917 гг., в которой,

¹⁹Труд. 1918. № 249. 4 (17) февраля.

вероятно, многое, помимо факта принятия Каляевым иконы, было домыслено. Однако писатели и главные редакторы издательств вполне могли предположить раскаяние преступника хотя бы потому, что тот принял икону из рук великой княгини. Такая логическая связь была вполне уместна для православной среды дореволюционной России. Но сотрудникам газет было неизвестно, что Каляев не являлся православным христианином. Более того, всё, связанное с православием, его раздражало. Он вырос в Варшаве, воспитывался матерью Софией Томаш Пиотровской – представительницей польской шляхты, в традициях польской культуры. Мать называла его Янеком. Это имя стало его подпольной кличкой. Вторую кличку – «Поэт», придумали в Боевой организации эсеров. Террорист отказался подавать прошение о помиловании и 10 мая 1905 г. был казнён. Он всячески затягивал процесс. Следствие очень долго не могло установить его личность. При задержании при нём был обнаружен поддельный паспорт на имя Алексея Шильника, жителя города Витебска. Когда личность преступника была установлена, состоялся суд, и 6 апреля 1905 г. был оглашён приговор, то по распоряжению Каляева была подана кассационная жалоба в Сенат. Заседание о рассмотрении кассационной жалобы было назначено на 29 апреля. Каляев требовал, чтобы его судили присяжные заседатели, но получил отказ. Попытка представить затягивание судебного процесса как дополнительную возможность пропаганды революционных идей партии эсеров выглядит не очень правдоподобной, так как опытные адвокаты Каляева, которые специализировались на защите политических преступников, понимали, что если первое заседание было закрытым, присутствие публики на повторном заседании вряд ли будет возможно. К тому же на роль оратора-пропагандиста Каляев, не очень хорошо владевший русским языком и говоривший с заметным польским акцентом, не подходил. В. М. Чернов, лидер партии эсеров, вспоминал, как ораторские способности Каляева при выступлении на публике были высмеяны большинством его соратников по борьбе с самодержавием: «он взял слово... и был осмеян зло и беспощадно более чем половиной аудитории при неловком чувстве у остальной ее части»²⁰. Защита Каляева и речь его адвокатов в целом не отличались от аналогичных защит террористов, его товарищей по партии. Основной мотив выступлений адвокатов и самих обвиняемых на судебных заседаниях по данным делам сводился к тому, что правительство само полностью несло всю ответственность

²⁰ Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. М. : Международные отношения, 1993. С. 189–190.

за то, что спровоцировало эти теракты. С. В. Мосолкин отметил, что находились обвинявшие адвокатов в том, что они не обратили внимание суда на благородство Каляева, не бросившего бомбу в карету 2 февраля, когда в ней ехали, кроме великого князя, Елизавета Фёдоровна и дети²¹. На самом деле, трудно назвать благородным террориста-убийцу. Да и было ли это «благородство», или была обычная предусмотрительность? Великий князь, неоднократно получая угрозы от революционеров, в последние месяцы жизни старался ездить один, чтобы обезопасить близких. 2 февраля, за два дня до теракта, был тот редкий случай, когда он и его близкие ехали вместе в карете на благотворительный спектакль с участием Ф. И. Шаляпина. Долгие наблюдения за передвижениями великого князя по Москве не предвещали сбой алгоритма теракта. В алгоритме, очевидно, отсутствовал пункт – что делать в том случае, если в карете будут дети и великая княгиня. Но членам Боевой организации эсеров была хорошо известна популярность Елизаветы Фёдоровны среди населения Москвы. Если бы она и дети погибли в теракте 2 февраля, это нанесло бы сокрушительный удар по имиджу революционеров. Кроме того, Каляев выразил готовность исполнить теракт в этот же день и через несколько часов убить всю семью, если партия прикажет. Посоветовавшись, группа террористов вполне резонно решила отложить задуманное на несколько дней.

Есть все основания полагать, что Каляев, чтобы сохранить репутацию истинного революционера перед другими членами партии, надеялся на помилование без подачи прошения о нём. Во-первых, о спасении его жизни перед императором просила сама великая княгиня. Во-вторых, уже имелись подобные случаи с его однопартийцами-террористами. Так, в начале 1904 г. состоялся суд над главой Боевой организации эсеров Г. А. Гершуни. Своему адвокату Н. П. Карабчевскому Гершуни говорил, что в их организации личное прошение о помиловании не принято²². Несмотря на отсутствие личной просьбы Гершуни, император заменил ему смертную казнь на пожизненное заключение. Сохранили жизнь и напарнику Каляева по Боевой организации эсеров Е. С. Сазонову (по некоторым источникам – Созонову. – Прим С. Д.), который в июле 1904 г. в аналогичном теракте бомбой убил министра внутренних дел В. К. Плеве. От подачи кассационной жалобы,

²¹ Мосолкин С. В. Роль адвокатов в политических процессах 1905 г. // Известия Саратовского университета. Т. 11. Сер. История. Международные отношения. 2011. Вып. 1. С. 42.

²² Карабчевский Н. П. Около правосудия. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1908. С. 198.

равно как просьбы о помиловании, Сазонов категорически отказался. Примечательно, что И. П. Каляев участвовал в подготовке и при исполнении нападения на В. К. Плеве в качестве запасного метальщика снаряда.

Заключение. Проведённое исследование демонстрирует, что попытки представить этот глубоко личный и религиозный поступок как часть политической интриги или полицейской провокации являются несостоятельными. Они основаны на предвзятой трактовке фактов и игнорировании ключевого свидетельства самой Елизаветы Фёдоровны, которое было введено в научный оборот.

Короткая статья в ведущей эсеровской газете «Труд» озаглавлена «Опровергнутая клевета», таким образом, в 1918 г. у самих эсеров хватило смелости признать заблуждение ими же героизированного однопартийца относительно участия великой княгини в какой-либо провокации. В приведённом интервью княгиня однозначно ответила, что никогда и никому не рассказывала о содержании своего разговора с Каляевым. Дважды, в 1917 и 1918 годах, основательница Марфо-Мариинской обители милосердия Елизавета Фёдоровна отказалась покинуть Россию и продолжила своё религиозно-общественное служение. Обнаруженное интервью было взято незадолго до ареста великой княгини большевистской властью и последующего её убийства. Великая княгиня Елизавета Фёдоровна в 1992 г. была причислена Архиерейским собором Русской Православной Церкви к лику святых.

Источники

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 124. Оп. 67. Д. 591а.
2. Труд. 1918. № 249. 4 (17) февраля.
3. Труд. 1918. № 250. 6 (19) февраля.

Литература

4. *Беренштам В. В.* В боях политических защит. Л., М. : Книга, 1925. 229 с.
5. *Мария Павловна (великая княгиня).* Воспоминания. М. : Захаров, 2004. 512 с.
6. *Гусев К. В.* Рыцари террора. М. : Луч, 1992. 143 с.
7. Дело Ив. Каляева. С портретом Ив. Каляева и с приложениями. СПб. : Изд. П. Д. Шенской, 1906. 60 с.
8. *Закиров Р. С.* Визит Великой княгини Елизаветы Федоровны в тюрьму к И. П. Каляеву как провокация Департамента полиции // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. История и политология. 2012. № 4. С. 20–36.
9. *Закиров Р. С.* Об одной провокации Департамента полиции (из материалов следствия над членом Боевой Организации партии социалистов-революционеров И. П. Каляевым в 1905 г.) // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 159–168.

10. *Карабчевский Н. П.* Около правосудия. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1908. 540 с.
11. *Коновалова Е.* Мученическая кончина Его Императорского Высочества Великого Князя Сергия Александровича. М. : Е. И. Коновалова, 1905. 17 с.
12. *Лавренова А. М.* Гордость и предубеждение и «охранка»: политический сыск в современной российской историографии // История и архивы. 2019. № 1. С. 30–47.
13. *Мандельштам М. Л.* 1905 г. в политических процессах: записки защитника. М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. 322 с.
14. *Маньков А. В.* К вопросу об истории терроризма: истоки, становление и эволюция в России // Вестник Чувашского университета. 2017. № 1. С. 93–98.
15. *Маньков А. В.* Терроризм в России: исторические аспекты (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник Чувашского университета. 2018. № 4. С. 84–100.
16. *Мосолкин С. В.* Роль адвокатов в политических процессах 1905 г. // Известия Саратовского университета. Т. 11. Сер. История. Международные отношения. 2011. Вып. 1. С. 39–45.
17. *Розанов Ю. В., Тихомиров П. В.* Образ революционера-террориста в России начала XX века (на примере Ивана Каляева) // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2019. Т. 3. № 3. С. 939–974.
18. *Соболев Ю. В.* Иван Каляев. Как и за что был убит великий князь Сергей Александрович Романов. М. : Красная новь, 1924. 47 с.
19. *Спиридович А. И.* Записки жандарма. Харьков : Пролетарий, 1926. 263 с.
20. *Чернов В. М.* Перед бурей. Воспоминания. М. : Международные отношения, 1993. 408 с.

S. V. Dyukov

THE MEETING OF GRAND DUCHESS ELIZABETH FEODOROVNA WITH THE ARRESTED SOCIALIST REVOLUTIONARY TERRORIST I. P. KALYAEV: REFUTATION OF SLANDER

Abstract: The article is devoted to one of the dramatic and iconic events of the early 20th century: the assassination of Grand Duke Sergei Alexandrovich (Romanov) in a terrorist attack, and the subsequent visit of his wife, Grand Duchess Elizaveta Feodorovna, to the imprisoned revolutionary terrorist Kalyaev. The article examines diametrically opposed views on the purpose and nature of this meeting. Based on the discovered interview with Grand Duchess Elizaveta Feodorovna, an analysis of scientific and journalistic literature, and memoir sources, the author proves that some researchers' views about Elizaveta Feodorovna's meeting with Kalyaev as a manifestation of her evil intentions and her involvement in a police provocation against the revolutionary terrorist Kalyaev and the revolutionary movement in general are erroneous. The author concludes that the motivation behind this visit was purely personal and religious.

Key words: social Revolutionaries, terrorism, Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, Grand Duke Sergei Alexandrovich, I. P. Kalyaev, provocation, slander, refutation.

About the author: Dyukov Sergey Viktorovich, PhD (in Pedagogy), specialist, independent researcher (Russia, Krasnodar).

Sources

1. The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 124. Op. 67. D. 591a. L. 4 ob. *In Russian.*
2. Newspaper Trud. 1918 (№ 249). 4 (17) fevralja. *In Russian.*
3. Newspaper Trud. 1918 (№ 250). 6 (19) fevralja. *In Russian.*

Literature

4. *Berenshtam V. V. V bojah politicheskikh zashhit.* Leningrad, Moskva : Kniga, 1925. 229 s. *In Russian.*
5. Vospominanija velikoj knjagini Marii Pavlovny. M. : Zaharov, 2004. 512 s. *In Russian.*
6. *Gusev K. V. Rycari terrora.* M. : Luch, 1992. 143 s. *In Russian.*
7. Delo Iv. Kaljaeva. Saint-Petersburg: P. D. Shenskaja, 1906. 60 s. *In Russian.*
8. *Zakirov R. S. Vizit Velikoj knjagini Elizavety Fedorovny v tjur'mu k I. P. Kaljaevu kak provokacija Departamenta policii.* Vestnik MGGU im. M. A. Sholohova. Istorija i politologija. 2012; № 4, S. 20–36. *In Russian.*
9. *Zakirov R. S. Ob odnoj provokacii Departamenta policii (iz materialov sledstvija nad chlenom Boevoj Organizacii partii socialistov-revoljucionerov I. P. Kaljaevym v 1905 g. Novejsšaja istorija Rossii.* 2013; № 2, S. 159–168. *In Russian.*
10. *Karabchevsky N. P. Okolo pravosudija.* Saint-Petersburg : Tipografija M. M. Stasjulevicha, 1908. 540 s. *In Russian.*
11. *Konovalova E. Muchenicheskaja konchina Ego Imperatorskago Vysochestva Velikago Knjazja Sergija Aleksandroviča.* M. : E.I. Konovalova, 1905. 17 s. *In Russian.*
12. *Lavrenova A. M. Gordost' i predubezhdenie i «ohranka»: politicheskij sysk v sovremennoj rossijskoj istoriografii.* Istorija i arhivy. 2019; № 1 S. 30–47. *In Russian.*
13. *Mandel'shtam M. L. 1905 g. v politicheskikh processah: zapiski zashhitnika.* M. : Izd-vo Vsesojuznogo obshhestva politkatorzhan i ssl'noposelencev, 1931. 322 s. *In Russian.*
14. *Man'kov A. V. K voprosu ob istorii terrorizma: istoki, stanovlenie i jevoljucija v Rossii.* Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2017; № 2. S. 93–98. *In Russian.*
15. *Man'kov A. V. Terrorizm v Rossii: istoricheskie aspekty (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka).* Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2018; № 4. S. 84–100. *In Russian.*
16. *Mosolkin S. V. Rol' advokatov v politicheskikh processah 1905 g.,* Izvestija Saratovskogo universiteta. Ser. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2011; T. 11, № 1, S. 39–45. *In Russian.*
17. *Rozanov Ju. V., Tikhomirov P. V. Obraz revoljucionera-terrorista v Rossii nachala HH veka (na primere Ivana Kaljaeva).* Zhurnal regional'noj istorii Historia Provinciae. 2019; T. 3, no. 3: 939–974. *In Russian.*
18. *Sobolev Ju. Ivan Kaljaev. Kak i za chto byl ubit velikij knjaz' Sergej Aleksandrovich Romanov.* M.: Krasnaja nov', 1924. 47 s. *In Russian.*
19. *Spiridovich A. I. Zapiski zhandarma.* Har'kov : Proletarij, 1926. 263 s. *In Russian.*
20. *Chernov V. M. Pered burej. Vospominanija.* M. : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1993. 408 s. *In Russian.*